

Глава II. Сложный путь в литературу.

Постепенно, однако, в нем начинает созревать убеждение, что именно литературное творчество является главным его призванием. Горечь неудачи с «Гансом Кюхельгартенем» забывалась, и Гоголь снова начинает писать, посвящая этой работе весь свой досуг. Кстати, до конца своей жизни Гоголь так никому и не признался, что В. Алов - его псевдоним.

Постепенно Гоголь находит свой путь и добивается успеха. Перед Гоголем открылись двери в избранное литературное общество: он знакомится с В. А. Жуковским, П. А. Плетневым, а в мае 1831г. на вечере у последнего был представлен Пушкину. Прошло еще два-три месяца, и Гоголь стал литературной знаменитостью. В обстановке общения с ними – в Царском Селе – завершает Гоголь произведение, которое сделало его известным России: «Вечера на хуторе близ Диканьки».

В письмах к матери Гоголь часто намекает на «обширный труд», над которым он много и упорно работает. Уже после приезда в Петербург он начинает донимать своих родных просьбами: регулярно присылать ему сведения и материалы об обычаях и нравах «малороссиян наших», образцы украинского народного творчества – песни, сказки, а также всякого рода старинные вещи шапки, платья, костюмы. «Еще несколько слов, - пишет он матери, - о колядках, об Иване Купале, о русалках. Если есть, кроме того, какие-либо духи или домовые, то о них подробнее с их названиями и делами; множество носится между простым народом поверий, страшных сказаний,

разных анекдотов, и проч., и проч., и проч. Все это будет для меня чрезвычайно занимательно». Эти материалы в дополнение к собственным

жизненным впечатлениям были использованы Гоголем в большом цикле повестей, вышедших под общим названием «Вечера на хуторе близ Диканьки». По совету Плетнева Гоголь издал обе части этого сборника под интригующим псевдонимом наивного и лукавого рассказчика пасечника Рудого Панька.

«Вечера на хуторе близ Диканьки»

«Вечера на хуторе близ Диканьки» — самое народное, веселое и мистическое произведение Гоголя. Одно из ведущих мест среди художественных приемов, использованных в нем, занимает мистика. Известно, что сам писатель увлекался мистикой, верил в существование нечистой силы, был очень суеверным. В «Вечерах» он отразил эти народные верования в полной мере.

Итак, «мистика» — это «вера в божественное, в таинственный, сверхъестественный мир и в возможность непосредственного общения с ним». В «Ночи под Рождество» этот сверхъестественный мир в полной мере соприкасается с миром обыденным. И это неслучайно — накануне Рождества, по народным поверьям, усиливают свое действие и темные силы. Но нечистая сила оказывается вовсе не такой сильной, как казалось сначала. Ее легко победить не одному только Вакуле, оседлавшему черта: «От сорочинского заседателя ни одна ведьма на свете не ускользнет».

Нечистая сила в этой повести достаточно безобидна, в отличие от других повестей «Вечеров». Если в «Страшной мести», например, встают из гроба мертвецы, то в «Ночи...» всего-навсего вареники сами летят в рот Пацюку. Черт занят, как говорит Гоголь, «проказами»: мешает кузнецу работать («толкал невидимо под руку, подымал из горнила в кузнице золу и обсыпал ею картину»), крадет месяц только для того, чтобы Чуб не нашел дорогу к куму, и т. п. Такой взгляд на черта — черт глупый, бедный, безобидный — взгляд фольклорный, народный. Недаром позднее именно в таком тоне будет говорить о проказах бесенят герой «Очарованного странника»: «Да ведь они ребятишки...» Ведьма хлопчет о выгодном муже, прибегая при этом вовсе не к колдовству, а «к обыкновенному средству всех сорокалетних кумушек».

Нечистая сила лишена таинственности здесь, она сближается с людьми: черт «спереди совершенно немец, сзади настоящий губернский стряпчий

в мундире, потому что у него висел хвост, такой острый и длинный, как теперешние мундирные фалды». Он ухаживает за ведьмой совсем как человек: «подъехавши мелким бесом, подхватил ее под руку и пустился нашептывать на ухо то самое, что обыкновенно нашептывают всему женскому роду». Ведьма настолько не отличается от обычной женщины, что даже ходит в церковь, и любясь на нее, принарядившуюся, казаки думают: «Эх, добрая баба! Черт-баба!» Делая Солохе комплимент, казаки, сами того не зная, называют ее настоящим именем.

В других повестях «Вечеров» нечистая сила намного более загадочная и зловещая. Так, в «Вечере накануне Ивана Купалы» мистика начинается прямо с названия. Известно, что Иван Купала — мистический праздник. По народным поверьям, именно в эту, самую короткую ночь в году, ночь происходит разгул нечистой силы. И именно в эту ночь отправился герой повести, Петрусь, искать цветущий папоротник. Ведь считалось, что если в ночь на Ивана Купала найдешь это растение, то оно откроет тебе сокровища. А именно это и нужно было Петрусю, чтобы жениться на любимой девушке.

Мистикой окутан и образ Басаврюка — приспешника нечистой силы. Вот как описывает его автор: «...загремело что-то басом над ним. Оглянулся: Басаврюк! у! какая образина! Волосы — щетина, очи -- как у вола! ... Тут брякнул он с бесовскою усмешкою кожаным, висевшим у него возле пояса, кошельком».

Именно Басаврюк, постоянный обитатель шинка, наводит Петруся на мысль пойти искать цветущий папоротник: «Только же зацветет папоротник, хватай его и не оглядывайся, что бы тебе позади ни чудилось». Петрусь изо всех сил старался сделать это, но тут-то, когда в руках у него оказался цветок, началось самое страшное.

Мистикой и ужасом наполнена картина ночной встречи героя с нечистой силой. Но и последующая история жизни Петруся ужасна. Гоголь подтверждает мысль, бытующую в народе, что связь с нечистой силой

никогда не доводит до добра. Хоть Петрусь и получил деньги, и женился на Пидорке, но он не был счастлив. Нечистая сила не отпускала его, и в итоге забрала к себе, оставив вместо денег разбитые черепки.

А в «Майской ночи, или Утопленнице» темные силы приходят на помощь человеку. Левко, герою повести, довелось увидеть утопленниц, выходящих ночью на берег: «Левко посмотрел на берег: в тонком серебряном тумане мелькали легкие, как будто тени, девушки в белых, как луг, убранный ландышами, рубашках».

До этого мы узнаем легенду, царившую на хуторе. Она рассказывала о дочери сотника, погубленной мачехой-ведьмой. Девушка превратилась в утопленницу и стала предводительницей всех юных утопленниц. Вот эта-то панночка и помогла Левко воссоединиться с его возлюбленной, Ганной. Такая «расположенность» утопленницы к людям связана с тем, мне кажется, что ее «заставили» быть в ряду нечистой силы, саму погубили. Таким образом, Гоголь показывает, что злые силы могут и помогать людям, если пожелают. Однако лучше не иметь с ней дело — «от греха подальше».

Благодарю мастерству Гоголя-художника, повести «Вечеров» в полной мере передают мистический ужас, атмосферу, свойственную народным сказаниям и поверьям. Меня охватывал страх, ощущение присутствия нечистой силы, когда я читала отдельные моменты этих повестей.

«Вечера на хуторе близ Диканьки» — романтическое произведения, в котором Гоголь передал всю свою любовь к народным произведениям, вообще, украинскому народу, его жизни, обычаям, культуре.

Будучи сыном этого народа, писатель впитал в себя его особенности, поэтому сам он до конца жизни оставался мистиком, верящим с существование потусторонних сил. И поэтому мистика в его творениях и, в частности, в «Вечерах», настолько завораживает, будоражит, пугает и волнует одновременно.

«Вий»

Повесть «Вий» впервые была опубликована в 1835г. В сборнике «Миргород». Повесть была начата Гоголем в 1833г. Критика встретила «Вия» сначала довольно холодно, не оценив подлинной виртуозности автора и глубины его философии. В «Вие» фантастика причудливо сплетается в повести с реально-бытовыми деталями и описаниями. Можно сказать, что «Вий» - это первый настоящий триллер в русской литературе. Гоголь мастерски нагнетает напряжение с каждой ночью, которую Хома Брут должен провести у гроба Панночки-ведьмы. При этом истинно народный юмор только оттеняет весь ужас происходящего. Например, в следующей характеристике Хома: «После обеда философ был совершенно в духе. Он успел обходить все селения, перезнакомиться почти со всеми; из двух хат его даже выгнали; одна смазливая молодкахватила его порядочно лопатой по спине, когда он вздумал было пощупать, из какой материи у неё была сорочка и плахта». Да и с ведьмой-старухой Хома не прочь был бы переспать, будь она чуть помоложе. Рядом с этим по-настоящему леденят душу такие вот вполне серьезные строки, не вызывающие ни тени улыбки, несмотря на всю фантастичность происходящего: «Труп уже стоял перед ним на самой черте и вперил на него мертвые, позеленевшие глаза. Бурсак содрогнулся, и холод чувствительно пробежал по всему телу. <...> Глухо стала ворчать она и начала выговаривать мертвыми устами страшные слова; хрипло всхлипывали они, как клокотание кипящей смолы. Что значили они, того не мог сказать он, но что-то страшное в них заключалось. Философ в страхе понял, что она творила заклинание». Осип Сенковский говорил: «В «Вие» нет ни конца, ни начала, ни идеи - нет ничего, кроме нескольких страшных, невероятных сцен. Тот, кто списывает народное предание для повести, должен ещё придать ему смысл - тогда только сделается произведением изящным. Вероятно, что у малороссиян Вий есть какой-то миф, но значение этого мифа не разгадано».

«Ужасное не может быть подробно» - утверждает Шевырев. И он оказывается прав. Николай Васильевич Гоголь точно описывает всех

призраков, что были в церкви. Но из страшных они превращаются в просто уродливых. Все столь подробно прописанные чудовища вселяют меньший ужас, чем одна ожившая панночка или жуткий карлик Вий. Потому что, то, что показано детально перестаёт пугать, оно становится немного понятнее. Гораздо страшнее, когда происходящему не дается объяснение, когда призраки парят в дымке загадочности. Их не видно, их не разглядеть - они выглядят непонятными пятнами. Неизвестность пугает. Человек боится того, чего не понимает. А Гоголь наоборот, описывает облик нечисти, чтобы люди не боялись её, чтобы они были противны и омерзительны.

Кто же такой Вий? Существуют две версии, и ни одной из них нельзя отдать строго предпочтения. Многие исследователи полагают, что имя Вия - фантастического подземного духа - было придумано Гоголем в результате контаминации имен властителя преисподней в украинской мифологии «железного Ния», способного взглядом убивать людей и сжигать города (вероятно, это его свойство отождествлялось с извержениями вулканов и землетрясениями), и украинских слов «вия», «вийка» - ресница. В составленном Гоголем «Лексиконе малороссийском», например, читаем: «Вирлоокый - пучеглазый». Отсюда - длинные веки гоголевского персонажа. Если принять эту версию, то получается, что Вий в том виде, в каком мы узнаем его сегодня - целиком плод гоголевской фантазии - железное существо с длинными, до земли, веками. Действительно, в известных сказках, равно как и в других фольклорных произведениях украинцев и других славянских народов, персонажа по имени Вий нет. За одним замечательным исключением. Правда, известный собиратель и исследователь фольклора А.Н.Афанасьев в своей книге «Поэтические воззрения славян на природу» утверждал, что в славянской мифологии не только есть сходный образ, но и само название фантастического существа - Вий - рассматривалось как вполне традиционное. В поисках аналогов гоголевскому образу были обнаружены восточнославянские фольклорные соответствия Вию. Более того, у этого божества обнаружились и индо-иранские корни. Так, лингвист и фольклорист

В.И.Абаев сопоставил Вия с иранским Ваю и осетинскими вайюгами. Ваю (особенно в злой ипостаси) - бог не только ветра, но и смерти, непреодолимый и безжалостный. А вайюги - одноглазые великаны, стражи царства мертвых. Вий у Гоголя - повелитель подземного царства, хозяин земных недр. Неудивительно, что у него железное лицо и железные пальцы. В народном сознании земные недра ассоциировались, прежде всего, с железной рудой - именно этот минерал люди начали добывать прежде всего. У Гоголя сила Вия скрыта за сверхдлинными веками, и он не может использовать её без посторонней помощи. Писатель совместил белорусского Кощея с украинским железным Нием. Кто-то из прочей нечисти должен поднять веки Вию. Иносказательно это можно истолковать в том смысле, что нечистой силе должен помогать сам человек - своим страхом. Именно страх Хомя в конце концов губит его. Вий забирает его душу к себе, в царство мертвых. Хомя Брут гибнет от страха, но ценой своей жизни губит нечистую силу, бросившуюся на философа и не услышавшую вовремя крик петуха - после его третьего крика духи, не успевшие вернуться в подземное царство мертвых, погибают. История Хомя допускает и реалистическое объяснение. Видение Вия можно представить себе как плод белой горячки большого любителя горилки, от которой он и погибает.

А.М.Ремизов в книге «Огонь вещей» (1954) писал: «Нигде так откровенно, только в «Вии» Гоголь прибегает к своему излюбленному приёму: «с пьяных глаз» или напустить туман, напоив нечистым зельем. И нигде, только в «Вии» с такой нескрытой насмешкой над умными дураками применяет Гоголь и другой любимый приём: опорочить источники своих чудесных откровений. «Но разве вы, разумные, - говорит он, подмигивая лукаво, - можете поверить такому вздору?». А простодушным, этим доверчивым дуракам, прямо: «Чего пугаться, не верьте, всё это выдумка глупых баб да заведомого брехуна». Или, ничего не говоря, представляет своих действующих лиц в таком виде, когда всё, что угодно, покажется: философ натошак сожрал карася, а затем следует волшебная скачка и полет

над водой, а все видения философа в церкви у гроба Панночки - «с пьяных глаз». На самом деле Гоголь вполне допускал, что нечистая сила, равно как и Божье провидение, действительно может явиться человеку, будь то во сне, или с пьяных глаз, или в каком-либо экстатическом состоянии, в том числе и любовном. И между ними идёт борьба за душу человека. В гоголевской повести Панночка искушает Хому дьявольской, дурной красотой, а когда он всё же не поддаётся искушению, не целует её, не попадает к ней в объятия, призывает на помощь Вия. Мотив зрения и слепоты, связанный и Вием, возникает при переходе границы между живыми и мертвыми, что является общим местом для мифов большинства народов мира. «Черти не видят казака. Черти, могущие видеть живых, это как бы шаманы среди них, такие же, как живые шаманы, видящие мертвых, которых не могут видеть обыкновенные смертные люди. Такого шамана они и зовут. Это - Вий». Но необходимо подчеркнуть, что Вий даже с поднятыми веками не в состоянии увидеть живого Хому. Он может сделать это лишь тогда, когда тот сам взглянет в его глаза, то есть, как бы переступит незримую грань между живыми и мертвыми, умрет душой. Гоголь основательно готовился к написанию своих мистических повестей. Автор тщательно собирал всю фольклорную информацию, касающуюся нечистой силы. Писатель хотел полного сходства с народными представлениями о нечисти. И для этого он писал матери : «...Ещё несколько слов о колядках, об Иване Купала, о русалках. Если есть, кроме того, какие-нибудь духи или домовые, то и о них поподробнее с их названиями и делами; множество носиться между простым народом поверий, страшных сказаний, преданий, разных анекдотов, и проч. и проч. и проч. Всё это будет для меня чрезвычайно занимательно». Ректор бурсы, передавая Хоме последнюю волю дочери сотника, одного из богатейших людей Киевщины, насчет того, чтобы отходные молитвы по ней в течение трех дней после смерти читал именно он, Брут, тоже обильно чертыхался. Обращает на себя внимание то, что по дороге к хутору старухи-ведьмы Хома Брут не раз поминает черта. И, возможно, именно этим он и

навлек на себя своё «несчастье» - ведьму. Ведь кому, как не ведьме, видеть человека праведного, благочестивого и «не очень» богобоязненного. И, конечно, того, за кем возьмется мелкие грешки «охомутать» гораздо легче.

Но для Гоголя гибель Хомы Брута - это скорее только искупление его грехов, хотя и не столь великих. Ведь философ грешил с вдовушками, любил горилку да ещё позарился на обещанные сотником червонцы. В какой-то мере происшедшее с Хомой Брутом может рассматриваться как наказание за то, что после того как освободился святыми молитвами от оседлавшей его ведьмы, согрешил в Киеве с молодой вдовой, польстился на её угощение и золотые. Да и вообще, частенько грешил с молодыми вдовушками. А на ведьмином хуторе даже стащил у товарища ворованного вяленого карася. Правда, карась, как известно, рыбка рождественская, богоугодная. И, как знать, может, она-то и помогла тогда бурсаку вырваться из цепких объятий ведьмы. Панночка во гробе необычайно красива. «Такая страшная, сверкающая красота!» - восклицает повествователь. Наверное, отталкиваясь от этой мысли Гоголя, Достоевский пришел к своей идее о красоте как о «страшной силе», которая может как погубить, так и духовно возродить человека. У гоголевской панночки красота ледяная, мертвящая.

В самом деле, резкая красота усопшей казалась страшною. «...Но в её чертах ничего не было тусклого, мутного, умершего. Оно было живо». Дочка сотника Панночка - несомненная ведьма, но она несет на себе ясно различимый украинский колорит. Ведьма - по старинным преданиям, женщина, продавшая душу черту. Именно в южных странах ведьма - это женщина более привлекательная, нередко молодая вдова. У народов севера, в том числе и собственно русских, ведьма - это старая, толстая, как кадушка, баба с седыми космами, костлявыми руками и с огромным синим носом, как раз в обличье старухи впервые и предстает Панночка перед Хомой, а во время ночных бдений опять «стареет» - превращается в позеленевший, посиневший труп. От прочих женщин ведьма отличается тем, что имеет маленький хвостик (про эту особенность упоминается в «Вие») и владеет способностью

летать по воздуху на помеле, кочерге, ступе, а также поймав в её объятия добром молодце, как это и происходит в «Вие». Отправляется на свои темные дела непременно через печную трубу. Может оборачиваться в разных животных, чаще всего в сороку, свинью, собаку и желтую кошку. Вместе с месяцем стареет и молодеет. Известное место сбора ведьм на шабаш в Купальскую ночь - в Киеве на Лысой горе, а действие «Вия» как раз происходит в окрестностях Киева. Тема женской красоты, которая может быть богоподобной, а может быть и пустой внешностью, мертвым покровом, постоянное колебание между потребностью чистой духовности и восхищением внешней красотой... Торжествующая, чувственная, демоническая женская красота Панночки в «Вие», сжигающая Хому, рифмуется в финале с описанием поруганного храма. Тема богоподобной и демонической красоты женщины проходила через цикл «Вечеров», и объединилась в «Вие». А её богоподобная (а на самом деле демоническая) красота оказалась пламенем, а не светом, превратившем во прах Хому.

И всё же правильнее было бы увидеть в этой повести мир, «расколотый надвое». Герой живет как бы в двух измерениях: реальная жизнь с её горестями, бедами, к которой Хома Брут относится «как истинный философ» и мир фантазии, легенды (линия Панночки), вторгшийся в эту обыденную жизнь. Но вся сложность начинается именно здесь. Ведь в традиции романтического двоемирия именно ирреальный фантастический мир обладал возвышающей функцией, уводя героя от обыденной жизни, позволяя прозреть нечто, недоступное в обычной жизни. Однако, у Гоголя именно линия Панночки (фантастическая), казалось бы, связана со злом.

И тогда, по внутренней логике повествования оказывается, что именно ведьма-панночка, само олицетворение зла, открывает Хоме ранее невидимое им: позволяет услышать пение цветов, лицезреть красоту русалок, пробуждая в герое дар седьмого чувства. Иными словами, пробуждает его к новой жизни, но при том, в конечном счете, лишая его жизни земной.

Гоголь: «Вий - есть колоссальное создание просто народного воображения - таким именем назывался у малороссиян начальник гномов, у которого веки на глазах идут до самой земли. Вся эта повесть есть народное предание. Я не хотел ни в чем изменить его и рассказываю почти в такой же простоте, как слышал». Действительно, нельзя исключить, что то предание о Вие, которое слышал Гоголь, более никем из фольклористов не было зафиксировано, и только гоголевская повесть сохранила его до наших дней.

Заключение

У Николая Васильевича Гоголя фантастическая образность реализуется с помощью ряда форм и приемов.

Во-первых, это то, что можно назвать собственно фантастическим – когда писатель выдумывает несуществующие в природе сущности или свойства. Так происходит, например, в повести «Вий», где действует всяческая нечистая сила, в природе не существующая.

Во-вторых, в повести Н.В. Гоголя «Вий» существует форма иносказательной фантастики, которая основана на реализации в изображенном мире того или иного речевого тропа. Чаще всего эта форма фантастического основана на гиперболе (немыслимые видения, исполинские животные и т.п.), литоте (карлики, гномы,). Сам персонаж Вий - существо из фантастического мира, существующее только в мифических легендах славян. Однако у Гоголя это главное действующее лицо, появляющееся в конце повести, но держащее нас в напряжении в течение всего сюжета.

Следующий прием, который применяется автором, - это гротеск – соединение фантастического и реального в одном образе, причем для гротеска характерно соединение фантастического не просто с реальным, а с приземлено - бытовым, обыденным. Так, Панночка – обычная земная девушка превращается то в страшную старуху, то в прекрасную ведьму.

В духе гротеска выдержан и тот, скажем, эпизод в котором Старуха-ведьма летает верхом на Хоме.

Уникальность повести Н.В. Гоголя «Вий» заключается в том, что у него разные формы фантастики могут сочетаться друг с другом в системе одного произведения. Так гипербола сочетается с литотой, гротеск переплетается и с литотой и с гиперболой.

В – третьих, действующими лицами часто становятся неодушевленные предметы: красная свитка, портрет, нос... окружающий мир в произведения

Гоголя одушевлен и активен: он вторгается в жизнь героев, кроит её на свой лад.

В - четвёртых, парадоксальность повестей Гоголя в том, что фантастическое в них максимально приближено к реальности, но сама реальность алогична и фантастична по самой своей сути. Следовательно, роль фантастики – выявление противоестественности современной Гоголю реальности.

Проведя небольшое исследование «Фантастика в произведениях Н.В.Гоголя», я могу сделать вывод о том, что гоголевская фантастика построена на представлении о двух противоположных началах – добра и зла, божеского и дьявольского (как и в народном творчестве), однако собственно доброй фантастики нет, она вся переплетена с «нечистой силой».

Фантастические элементы в творчестве Гоголя – это один из способов сатирического изображения многих пороков общества, один из способов утверждения реалистического начала в жизни. Гоголь умеет увидеть и показать обыденное под совершенно новым углом зрения, в неожиданном ракурсе. И рядовое событие обретает зловещую, странную окраску. Мир Гоголевских произведений насыщен элементами мистики, фантасмагории, гротеска – явных или скрытых, имеющих место или кажущихся.

Писатель подчёркивает контраст активного внешнего мира с бездействием, духовной леностью героев, с их куцым, робким, застывшим внутренним миром. На этом сопоставлении, на столкновении внешнего и внутреннего миров, на их взаимопроникновении и взаимовлиянии строится художественный метод Н.В.Гоголя.

Список литературы.

1. В. Г. Белинский "О русской повести и повестях г. Гоголя - Лекции. Ком - 2014-2019 год.
2. «Миргород»".
3. Манн Ю. Поэтика Гоголя – М.: «Художественная литература», 1988.
4. Мережковский Д.С. Гоголь и черт // В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет – М., 1991.
5. Гоголь Н.В. Повести. Мертвые души: Книга для ученика и учителя – М.: ООО «Издательство АСТ»: «Олимп», 2002.
6. Анненский И.Ф. О формах фантастического у Гоголя // Анненский И.Ф. Книги отражений – М., 1979.
7. Фантастическое в «Петербургских повестях» Н.В.Гоголя. – Владивосток: изд-во Дальневосточного университета, 1986.
8. Соколов Б.В. Гоголь. Энциклопедия. Серия: русские писатели. М.: Алгоритм, 2003.
9. В. В. Розанов. Мысли о литературе.- М., Современник, 1989.

Аннотация

Н.В.Гоголь в своих произведениях использует так много мистики потому, что с самого детства он был погружен в сказки, поверья, легенды и страшные истории Малороссии. Он был буквально околдован этим. И решил воплотить это в своих чудесных повестях и рассказах.

Отличительный характер повестей Н.В.Гоголя составляют — простота вымысла, народность, совершенная истина жизни, оригинальность и комическое одушевление, всегда побеждаемое глубоким чувством грусти и уныния. Причина всех этих качеств заключается в одном источнике: Гоголь — поэт, поэт жизни действительной.

Объект исследования – повести Н.В.Гоголя.

Предмет работы - исследование художественных приемов, используемых автором; отличительные черты гоголевской фантастики, а также вплетение фантастического в реальную жизнь.

Практическая значимость: материалы и результаты работы могут быть использованы на уроках при изучении произведений Н.В.Гоголя в 7-9 классах с целью расширения знаний по фольклору и русской литературе XIX века.

Цель работы: исследование роли фантастических мотивов в произведениях Гоголя.

Для достижения этой цели поставлены следующие

Задачи:

- 1) изучить тексты Н.В.Гоголя и тексты критической литературы;
- 2) выявить элементы фантастики и мистики в произведениях писателя.
- 3) сопоставить фантастическое и реальное в этих повестях.

Писатель подчёркивает контраст активного внешнего мира с бездействием, духовной леностью героев, с их куцым, робким, застывшим внутренним миром. На этом сопоставлении, на столкновении внешнего и внутреннего миров, на их взаимопроникновении и взаимовлиянии строится художественный метод Н.В.Гоголя.